

Пролог

Экипажи следовали за всадником в укромный уголок леса, расположенного за чертой города, где выстрелы никого не могли бы потревожить. Продолжительная поездка давала дуэлянтам время еще раз хорошенько подумать о примирении. Впрочем, такой исход поединков случался редко.

Уильям Блэкберн хранил молчание, а Питер пытался убедить друга отказаться от противоборства. Ратбены слишком могущественны, чтобы их положение мог поколебать какой-то вызов.

— Пока кровь не пролилась, вы с Генри можете мирно разойтись, и этот инцидент не будет иметь никаких последствий, — увещевал друга Питер.

— Может, тебе лучше ехать не в моем экипаже, а в экипаже Ратбенов?

— Я здесь, чтобы помочь тебе одуматься, Уилл.

— Нет, ты здесь, чтобы убедиться в соблюдении всех правил честного поединка, — возразил Уильям. — Ты готов услышать, почему я вызвал на дуэль Генри Ратбена?

— Не надо, ничего не объясняй. Я должен оставаться беспристрастным. Если я узнаю, что он нанес тебе жестокое оскорбление, то, пожалуй, сам застрелю его. Поэтому мне лучше находиться в неведении.

— Но ты не беспристрастен, когда начинаешь склонять меня к миру!

— Я просто хочу, чтобы ты смог выйти из этой передряги без последствий.

— Если я останусь жив, последствий все равно не избежать, — мрачно промолвил Уильям. — Слишком глубоки корни конфликта. Этот камень в груди мне придется носить до конца моих дней.

— Не искушай! Я решительно отказываюсь расспрашивать тебя о причинах ссоры.

— Тогда давай помолчим. Тем более мы уже приехали.

Уильям первым вышел из кареты. Питер последовал за ним, неся ящик, в котором лежала пара дуэльных пистолетов. Уильям предложил бы сопернику второй пистолет, явись тот на поединок без оружия. С другой стороны, он, не задумываясь, принял бы из рук Генри Ратбена один из его пистолетов. У Уильяма не было пристрелянного оружия. Более того, он никогда прежде не дрался на дуэли.

Генри приехал в сопровождении братьев. Он отказался от услуг беспристрастного секунданта, и это было нарушением правил дуэли, но Генри плевал на какие бы то ни было правила. Всадник, который показывал им путь к уединенной поляне, очевидно, был опытным врачом и не раз присутствовал на поединках.

Старший брат Генри, Альберт Ратбен, попросил Уильяма отойти с ним в сторонку на пару слов. Это тоже было нарушением правил, но Уильяму хотелось послушать, что скажет Альберт, и он согласился.

— Я не думал, что ссора зайдет так далеко, — промолвил Альберт. — Мы же просили вас отказаться от дуэли. Я предлагаю вам стрелять в землю, и на этом конфликт будет исчерпан. В противном случае я гарантирую вам большие неприятности. Не сердите меня, Блэкберн! Я не хочу потерять младшего брата из-за грязной истории.

— В таком случае вам следовало бы держать его на поводке или, по крайней мере, следить за тем, чтобы он не наставлял рога почтенным джентльменам, — заявил Уильям и направился в центр поляны.

Перед его мысленным взором снова возник образ обнаженной жены, лежавшей в постели рядом с любовником. Уильям никогда бы не узнал об их романе, если бы не решил сделать супруге сюрприз, неожиданно нагрянув в Лондон. Иногда она ездила в столицу без него, а он оставался в Чeshire с детьми. Ей нравилось проводить время в обществе друзей в разгар светского сезона. А Уильям предпочитал деревню. Он и не подозревал, что Кэтлин нарушает супружескую верность...

Уильям сразу же узнал в любовнике жены Генри Ратбена. Этот прощелыга волочился за Кэтлин еще в пору ее девичества, но она предпочла Уильяма. Тем не менее, как оказалось, Генри добился своего.

В ту ночь Уильям, ослепленный яростью, ринулся за пистолетом, чтобы прикончить Генри на месте. Но когда он зарядил оружие и вернулся в спальню, его соперник уже сбежал, а Кэтлин горько плакала. Она клялась в своей невинности, уверяла, что Генри шантажом заставил ее в постель. Однако муж верил только собственным глазам.

Уильям чувствовал себя настолько униженным и раздавленным, что было удивительно, как он той ночью не застрелил жену. Он больше не мог видеть Кэтлин и выгнал ее из дома, а потом вызвал обидчика на дуэль. Вскоре он получил два послания от братьев Генри с требованием прекратить преследование невинного человека. То, что Ратбены снимали вину с негодея, только подлило масла в огонь. Уильям отправил им записку, в которой объяснял причину своего гнева, и Ратбены на этот раз, видимо, все поняли.

Вышедший из экипажа Генри выглядел испуганным. Дуэлянты отмерили необходимое количество шагов и, повернувшись лицом друг к другу, выстрелили. Уильям не пытался промазать, и Генри как подкошенный рухнул на землю. Подбежавший к нему врач констатировал смерть. Уильям тоже подошел к повержен-

ному противнику и, наклонившись, хотел вцепиться ему в глотку. Доктор ахнул от неожиданности. Смерть Генри не уменьшила ни гнева, ни боли Уильяма.

Питер попытался посадить друга в экипаж, но ему это не удалось. Ратбены захлебывались от ярости. Альберт схватил Уильяма за руку и оттащил в сторону. Уильям решил, что старший брат Генри сейчас вызовет его на дуэль, но тот, понизив голос, прошипел:

— Ты придумал предлог, чтобы убить моего брата!

— Я застукал его в постели с моей женой!

— Тогда, может быть, тебе следовало застрелить эту шлюху, а не Генри? Тебе не уйти от возмездия, Блэкберн. Убирайся из Англии, иначе мы расправимся с тобой и твоей семьей!

— И запятнаете свою репутацию?

— Наша репутация не пострадает. Генри стал невинной жертвой, всем известно, что он плохо стреляет!

— Я не знал об этом!

— Ты вынудил его драться на дуэли, решив, что убийство сойдет тебе с рук. За что ты расправился с нашим братом? За то, что твоя жена соблазнила его? Разве за такое убивают? Тебя же просили отказаться от мести, но ты настоял на своем. Поэтому повторяю: ты приговорен к вечному изгнанию, Блэкберн, или твоя семья заплатит за твои грехи.

Уильям, не задумываясь, кивнул. В конце концов, какое значение имело физическое местонахождение его тела, когда сердце было разбито, любимая женщина потеряна, вера в добро и справедливость рухнула.

— Что хотел от тебя Альберт? — спросил Питер, как только Уильям сел в экипаж.

— Предлагал обсудить последствия дуэли, о которых ты говорил по дороге сюда. И прошу, не задавай мне больше вопросов. Будет лучше, если ты и не узнаешь о причинах противостояния.

Глава 1

Ванесса Блэкберн сидела на краю утеса и смотрела на Северное море. На Шотландском нагорье дул холодный весенний ветер, и девушка поверх мехового зимнего пальто накинула толстый плед. Она не была чистокровной шотландкой. Младшая дочь ее прадеда, шотландца Ангуса Маккейба, вышла замуж за английского графа Блэкберна. Уильям, отец Ванессы, был их единственным оставшимся в живых сыном.

Рядом с девушкой чернело старое кострище. Здесь ясными зимними вечерами они с отцом разводили огонь и сидели, любясь звездами, усеивавшими небо. Ванесса знала, что будет скучать по этому удивительному зрелищу. А еще ей будет не хватать верховой езды, скачек во весь опор по холмам и долинам, рыбной ловли, возни со скотом и лошадьми — всего того, что Ванесса могла делать только здесь. Да, скоро она уедет из Шотландии...

Ванесса не хотела покидать эти места. Она привыкла к свободе, к простору, к шотландским пейзажам. Но ей предстояло на некоторое время покинуть нагорье, чтобы навестить мать, Кэтлин Блэкберн. Ванесса с ужасом думала о тех спорах и ссорах, которые могут разгореться, когда она доберется до поместья Доутон в Чешире. Она ни на минуту не забывала, как непреклонна была ее мать в своем стремлении дать идеальное воспитание дочерям. Кэтлин заставляла Ванессу и ее сестер-близнецов строго соблюдать этикет и правила хорошего тона. Отец называл это превращением в марионеток, и Ванесса согла-

шалась с ним. Когда они с отцом переехали в Шотландию, Уильям занялся образованием дочери, он нанимал для нее опытных учителей, и ни один из них не упоминал об этикете.

Ванесса никогда не забудет тот трагический день, когда жизнь семьи резко изменилась. Ей в ту пору исполнилось тринадцать лет. Родители шумно выясняли отношения, кричали друг на друга. Чтобы их никто не слышал, они вышли во двор, но и оттуда доносились гневные крики. Ванесса наблюдала тягостную сцену из окна второго этажа вместе с сестрами, которые тихо плакали, не понимая, что происходит. Никто из них раньше не видел родительских ссор.

Позже Ванесса с удивлением обнаружила, что отец в своей комнате складывает вещи в саквояж.

— Куда ты собрался? — с беспокойством спросила она.

— Я уезжаю.

— Надолго?

— Навсегда.

— Но почему?!

— Спроси у матери. — Уильям говорил сердито, но, взглянув на дочь, увидел ее слезы и протянул к девочке руки. Она бросилась ему на шею, отказываясь верить, что, быть может, в последний раз обнимает отца. И слова Уильяма подтвердили ее худшие опасения: — Извини, дорогая, но я больше не вернусь сюда.

Ванесса выбежала из комнаты и столкнулась с матерью. Она тоже была в слезах.

— Почему папа уезжает? — спросила Ванесса.

— Так нужно, — сердито бросила Кэтлин. — У него нет другого выхода. Это все, что тебе следует знать.

— Папа сказал, чтобы я спросила у тебя!

— А что еще он мог сказать? Я тебе ответила. А теперь ступай! Я слишком зла и не могу с тобой говорить!

Ванесса проплакала весь день, а потом решила бежать с отцом. Она написала матери записку: «Ты выгнала папу из дома. Я ненавижу тебя, ты меня больше не увидишь!»

Уильям выехал из поместья вечером в экипаже, нагруженном сундуками и чемоданами. Ванесса ничего не взяла с собой. Она вскочила на запятки кареты и осторожно взобралась на крышу. Когда ее заметил кучер, она приложила палец к губам, заставив его хранить молчание. Ванесса появилась перед отцом только на следующий вечер, когда сильно проголодалась и была уже не в силах прятаться. Уильям хотел немедленно отвезти строптивицу обратно. Однако Ванесса пригрозила вторичным побегом. Она поклялась, что не будет жить в поместье Доутон без отца. Ванесса ненавидела мать, заставившую его уехать. Уильям пытался оправдать Кэтлин, но в его голосе и взгляде Ванесса прочла ложь. В конце концов он согласился взять ее с собой, решив, что при первом удобном случае отправит дочь к матери. С дороги Уильям послал жене письмо, где сообщил, что Ванесса уехала с ним и находится в полной безопасности. Каждые полгода Уильям спрашивал девочку, готова ли она к отъезду в Доутон, но она всякий раз решительно отвечала «нет».

Сам он не мог вернуться в Англию и долгое время не открывал Ванессе причину, хотя дочь часто интересовалась этим. На ее расспросы Уильям всегда отвечал одно и то же: она не поймет, потому что слишком молода. Вообще-то еще в Чeshire отец и мать придумали версию, которая должна была объяснить любопытствующим отъезд Уильяма из Англии. Он отправился в Вест-Индию, дабы вложить деньги в выгодное предприятие, и поэтому не спешил возвращаться домой, в унылую Британию с ее сырым климатом. Однако эта легенда устраивала только тех, кто плохо знал семью Блэкбернов.

Когда Ванессе исполнилось семнадцать лет, она заявила отцу, что уже не маленькая, и потребовала от него объяснений столь спешного и неожиданного отъезда из дома. Уильям усадил ее рядом с собой и рассказал всю правду о том, что произошло четыре года назад. И тогда Ванесса всем сердцем возненавидела Ратбенов, это отвратительное семейство, члены которого угрожали ее отцу и разлучили его с близкими.

— Ратбены решили изгнать меня из Англии, — объяснил отец. — Это было более мягким наказанием, чем «око за око, зуб за зуб». Все могло обернуться гораздо хуже. Они хотели обвинить меня в преднамеренном убийстве. Ратбены происходят из рода герцогов. Семейство достаточно могущественное, чтобы выдвинуть против меня обвинение в тяжком преступлении. В конце концов они могли бы просто убить меня, и это сошло бы им с рук. В случае скандала, ты и твои сестры никогда не нашли бы себе достойных женихов. Мой брак все равно развалился, так что я согласился уехать во имя сохранения доброго имени Блэкбернов.

— Так ты убил Генри Ратбена не по случайности? — спросила Ванесса.

В комнате повисла тишина. Похоже, Уильям не собирался отвечать на этот вопрос. Тем не менее через минуту он произнес:

— Нет...

Так были расставлены все точки над «i».

Девушка не желала возвращаться домой. В детстве она порой скучала по сестрам и даже по матери, но теперь не испытывала этого чувства. Однако они с отцом давно договорились, что, достигнув совершеннолетия, Ванесса все же вернется.

Здесь, в горах, Уильям разводил скот, лошадей и коров с рыжей шерстью, просто чтобы чем-то себя занять. Ванесса помогала отцу. Два жеребца из графства Чешир, которых он взял с собой на Север, спарились с шотланд-

скими кобылами из Клайдсдейла. Среди их потомства был белоснежный жеребец, которого Ванесса взяла себе. Она дала ему кличку Снежный Король. Впрочем, для нее он был просто Снежок. Жеребец должен был отправиться вместе с хозяйкой в Англию.

Ванесса запустила пальцы в золотистые локоны, которые подстригла перед путешествием, решив выдавать себя за юношу. Она отказалась ехать в женском платье и не хотела, чтобы люди смотрели на нее неодобрительно, увидев девушку в бриджах верхом на лошади.

Внезапно она заметила приближающуюся тень. Должно быть, это был отец. Двое слуг, живших с ними, — супружеская пара, — никогда и близко не подходили к скалам. Ванесса обернулась и увидела отца. Его темно-рыжие волосы, отросшие за последние месяцы, развевались на ветру, в голубых глазах, таких же как у дочери, горел веселый огонек.

— Сегодня четверг, — напомнил Уильям. — Давай порыбачим напоследок, Несси!

Ванесса улыбнулась. Отец дал ей это прозвище в первый же месяц их пребывания здесь, когда они путешествовали по Шотландскому нагорью в поисках лошадей и скота для разведения, а также слуг, которые были бы готовы жить вдали от крупных населенных пунктов. Городок, в котором они сначала остановились, находился неподалеку от озера Лох-Несс. Там они слышали легенду о чудовище, которое местные жители ласково называли Несси. Отец и дочь даже заночевали как-то на берегу в надежде увидеть водяного дракона, которого многие люди, по их словам, видели здесь.

Чудовище так и не появилось, но Уильям с тех пор стал в шутку называть дочь Несси, потому что временами она становилась свирепой, как дракон.

— Я с удовольствием порыбачу, если лодка выдержала прилив, — сказала Ванесса и вскочила.

Каждую неделю, за исключением холодных зимних месяцев, они садились в лодку, выходили в море и привозили домой рыбу на обед. Отец и дочь часто шутили, что маленькая шлюпка когда-нибудь разобьется о скалы, но этого не происходило, потому что Уильям хорошо привязывал ее. Однако прежде чем садиться в лодку, им всякий раз приходилось вычерпывать из нее морскую воду.

— Поедем порыбачим, пока солнце еще высоко.

Шагая по тропинке, ведущей к каменистому берегу, Ванесса взглянула на отца и произнесла:

— Глупо уезжать домой теперь только потому, что мне исполнилось девятнадцать лет.

Он вздохнул.

— Ты и так пропустила год. А нынешней весной в свет начнут выезжать твои сестры. Самое время присоединиться к ним. Неужели ты хочешь продолжать прятаться здесь, когда на юге тебя ждет столько приключений? Пора уже расправить крылья, дорогая, и лететь в большой мир. Если бы я плохо тебя знал, то подумал бы, что ты боишься.

Ванесса остановилась и обняла отца.

— Я боюсь только одного. Разлука с тобой разобьет мне сердце. Прошло шесть лет, папа. Наверное, Ратбены забыли всю эту историю, и ты наконец-то можешь вернуться на родину.

— Они потеряли брата. Такое не забывается. Даже после того, как вы, мои девочки, благополучно выйдете замуж, этот скандал будет преследовать вас и ваших близких. Я не хочу рисковать.

— Но это была дуэль, проведенная по всем правилам!

— Ратбены способны извратить ситуацию. Кроме того, не забывай, я сам согласился на вечное изгнание.

Ванесса ненавидела Ратбенов, особенно старшего, Альберта, который поставил жесткое условие ее отцу.

Неужели теперь, по прошествии стольких лет, нельзя было исправить ситуацию? Разве Ратбены не понимали, что Уильям Блэкберн достаточно долго страдал и теперь нуждался в снисхождении? Ответы на эти вопросы Ванесса могла найти, только вернувшись в Англию.

— Кроме того, — с ухмылкой добавил отец, — если ты все же захочешь выйти замуж и родить детей, тебе придется искать мужа в лондонском высшем свете, и не запаздывай с этим, иначе превратишься в старую деву. Всех завидных женихов разберут твои ровесницы.

Ванесса рассмеялась.

— Ты же считаешь меня писаной красавицей. Сколько раз ты говорил об этом? Или ты подшучивал надо мной? Может быть, я уродина и поэтому ты не держишь в доме зеркал?

Уильям фыркнул.

— Думаешь, я не видел, как ты любовалась собой, вертясь перед зеркалом в одном из магазинов Фрейзербурга? Ты прекрасно знаешь, что красива.

— Я любовалась новыми бриджами, — возразила Ванесса.

— Ха!

Она цокнула языком.

— Ты меня любишь, поэтому у тебя предвзятое мнение о моей внешности. — Ванесса жестом остановила отца. — Впрочем, это не имеет никакого значения, я ведь не собираюсь замуж ни сейчас, ни когда стану старой девой.

— Похоже, это правда. Ты слишком независима.

Отец явно подшучивал над ней, но Ванесса оставалась серьезной.

— Я выйду замуж за человека, который подпишет контракт со мной. Среди прочих условий такие: супруг, во-первых, не вправе указывать мне, что делать, а во-вторых, он не должен прикасаться к моим деньгам. Редкий мужчина согласится на это.

— Верно, доченька, но ты сильно удивишься, узнав, на что способен мужчина ради любви.

Отец задумчиво улыбнулся, и Ванессе показалось, что в это мгновение он вспомнил о жене. Уильям любил Кэтлин, графиню Доутон, и считался с ее желаниями. По настоянию супруги, он жил в ее доме, вместо того чтобы поселиться с ней в своем собственном. Отец Кэтлин, маркиз Доутон, обладал более высоким титулом, чем Уильям, граф Кеттерхэм. Однако Уильям был богаче жены.

— Ты исключительная девушка, Несси, — продолжал отец, — хорошо образованная, умеющая обращаться с лошадьми и оружием. Когда ты полюбишь — а я не хотел бы, чтобы ты выходила замуж без любви, — твой мужчина согласится на все, лишь бы ты была рядом. Я подготовил тебя к большему, чем ограниченная жизнь светской леди. Как бы мне хотелось сделать то же самое для твоих сестер, но Кэтлин категорически отказала мне в праве заниматься их воспитанием. Она слишком привержена тем правилам, которые диктует светское общество. Теперь, когда ты достигла совершеннолетия, у тебя есть достаточно денег, чтобы завести конюшню, о которой ты всегда мечтала. Хотя осуществить мечты будет намного легче после того, как ты выйдешь замуж. А сейчас ты должна ехать к матери и сестрам, чтобы отправиться с ними в Лондон и вскружить там голову толпе молодых джентльменов!

Ванесса рассмеялась. Отец заставил ее поверить, что все ее мечты осуществимы. И хотя Ванессе все еще терзали сомнения, она не могла отрицать: перспектива посещать балы и кружиться на паркете с красивыми лордами была довольно привлекательной. А главное, в Лондоне она сможет встретиться с Ратбенами. Ванесса должна была найти способ заставить их прекратить преследование отца и вернуть его домой.

Выйдя на берег, Ванесса остановилась, разглядывая разбросанные вокруг обломки лодки. Вскоре к ней присоединился Уильям.

— Это рано или поздно должно было случиться, — заключил он.

— Я рада, что суденышко разбилося. Иначе я волновалась бы за тебя. Обещай, что не купишь новую лодку и не будешь выходить в море, по крайней мере до тех пор, пока я не вернусь.

— Я пообещаю тебе это, если ты дашь мне слово не плакать.

— Не дождешься, — заявила Ванесса и добавила с усмешкой: — Неужели я, по-твоему, похожа на плаксу?

Глава 2

Здание Карлтон-Хауса, лондонской резиденции принца-регента, было большим и роскошным, как дворец. Монтгомери Таунсенд проследовал своей обычной дорогой через прихожую в хорошо освещенный двухэтажный вестибюль, украшенный мраморными колоннами. За вестибюлем находилась восьмиугольная комната, по одну сторону от которой располагалась парадная лестница, а по другую — внутренний дворик. Помимо роскошного французского декора и мебели, Карлтон-Хаус мог похвастаться великолепной коллекцией произведений искусства, большая часть которых была выставлена в личных комнатах Георга.

Следуя дальше, Монтгомери вошел в просторное помещение, где толпились посетители, ожидая появления регента. Дверь слева, ведущая в личные покои Георга, была закрыта.

Монтгомери подошел к джентльмену, который показался ему знакомым. Он смутно помнил, что этого человека звали Генри. Впрочем, это не имело никакого